

М. В. Ахметова

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Москва)*

ОБ ОДНОЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИИ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье анализируются анонимные рукописные правки к экземпляру издания агитационной пьесы Т. М. Мартынова «Тьма» (1927). Высказывается предположение, что автор правок работал в Нижегородском краевом отделе народного образования, в компетенцию которого входило курирование театральной работы. Выделяются правки фактографические, стилистические и идеологические; анализируются вставки и купюры. По предположению автора, правки соответствовали двум ключевым установкам эпохи: с одной стороны, ответственность за невежество крестьян несут не столько они сами, сколько «старый режим», а значит, их проступки заслуживают снисхождения (идея, в частности, нашедшая отражение в театрализованных агитсудах); с другой — критика отсталости советской деревни должна сопровождаться демонстрацией шагов крестьянства к новой жизни (что, в частности, звучало в руководствах для селькоров). Таким образом, коррективы сглаживали критические углы пьесы и предполагали ее приближение к актуальным идеологическим установкам.

Ключевые слова: агитационный театр, агитсуды, 1920-е годы, пропаганда грамотности, селькоры, ликвидация безграмотности

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Благодарю В. В. Гудкову, М. А. Графову и Е. В. Маркасову за обсуждение статьи и за ценные замечания.

Для цитирования: Ахметова М. В. Об одной драматургической маргиналии 1920-х годов // Шаги/Steps. Т. 9. № 3. 2023. С. 239–257. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-238-257>.

*Статья поступила в редакцию 4 августа 2022 г.
Принято к печати 14 ноября 2022 г.*

M. V. Akhmetova

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

ON A DRAMATURGICAL MARGINALIUM OF THE 1920s

Abstract. The paper analyzes anonymous handwritten corrections in a copy of a propagandist play, “Darkness” (*T'ma*, 1927), by T. M. Martynov. The author suggests that the anonymous editor worked in the Nizhny Novgorod Krai’s Department of Public Education (*Nizhkraionno*), which was responsible for overseeing theatrical work. The author distinguishes factographic, stylistic and ideological emendations. The latter include the elimination of derogatory remarks about the main character (a peasant woman) in the speech of positive characters, as well as a radical change in the ending. In the new version, the heroine’s husband does not abandon her, but only threatens to do so unless she learns to read and write, and asks the village healers for help. The author concludes that the handwritten corrections corresponded to two key tenets of the epoch. According to the first one, the peasants were not as responsible for their ignorance as was the “old regime”, and thus their misdeeds deserved indulgence (this idea, in particular, was reflected in so called agitation trials). On the other hand, criticism of the backwardness of the Soviet countryside should be accompanied by demonstration of the peasantry’s transition to a new life; this idea can be observed in numerous guides for *sel'kors* (‘village correspondents’). Therefore, the corrections to the play smoothed out the critical angles of the original play and suggested its approximation to the current ideological attitudes.

Keywords: propagandist theatre, agitation trials, 1920s, literacy propaganda, village correspondents, elimination of illiteracy

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

The author thanks V. V. Gudkova, M. A. Grafova and E. V. Markasova for discussing the paper and for valuable comments.

To cite this article: Akhmetova, M. V. (2023). On a dramaturgical marginalium of the 1920s. *Shagi / Steps*, 9(3), 239–257. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-238-257>.

Received August 4, 2022

Accepted November 14, 2022

В 1927 г. в издательстве «Долой неграмотность» вышла пьеса в одном действии «Тьма», написанная журналистом из Переславля-Залесского Т. М. Мартыновым¹, — типичный образец раннесоветской агитационной драматургии (см. о ней, например: [Шульпин 2000а; 2000b; Wood 2005]). Главная героиня пьесы — крестьянка Фекла, представляющая собой живую иллюстрацию женской темноты и отсталости, в раннесоветской пропаганде служивших мишенью критики². Она неряшлива в быту, обращается за помощью к знахарю (и губит корову знахарским снадобьем), сама не умеет читать и не отдает в школу дочь, враждебно относится к местной учительнице. Служащий в Москве муж Феклы Игнат присылает ей письмо, в котором сообщает о своем возвращении в деревню и просит подготовиться к его приезду; Фекла не может его прочитать. Пользуясь ее неграмотностью, барышник Охмурылкин говорит, что в письме написано о скором конце советской власти, на смену которой придет царь Михаил, а также сообщает о якобы имеющем место снижении цен, после чего скупает у героини задешево продукты и выменивает советские деньги, которые присылает муж, на царские кредитки и керенки. Вернувшийся Игнат, не в силах терпеть невежество Феклы, уходит от нее, забрав дочь.

Экземпляр брошюры с публикацией пьесы был приобретен мною при реализации изданий, списанных из фондов Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва)³. В нем обнаружены правки — карандашные пометки, вставки, зачеркивания, а также вклейка — блокнотный лист в клетку с рукописным текстом (сделанным тем же почерком, что и записи в книге), содержание которого радикально меняет финал пьесы. Поскольку брошюра была отдана в переплет, в результате обрезки листов записи на полях частично утрачены (в одном случае начало некоторых слов уходит под скобу, в другом конец слов выходит за обрез), но легко восстановаемы.

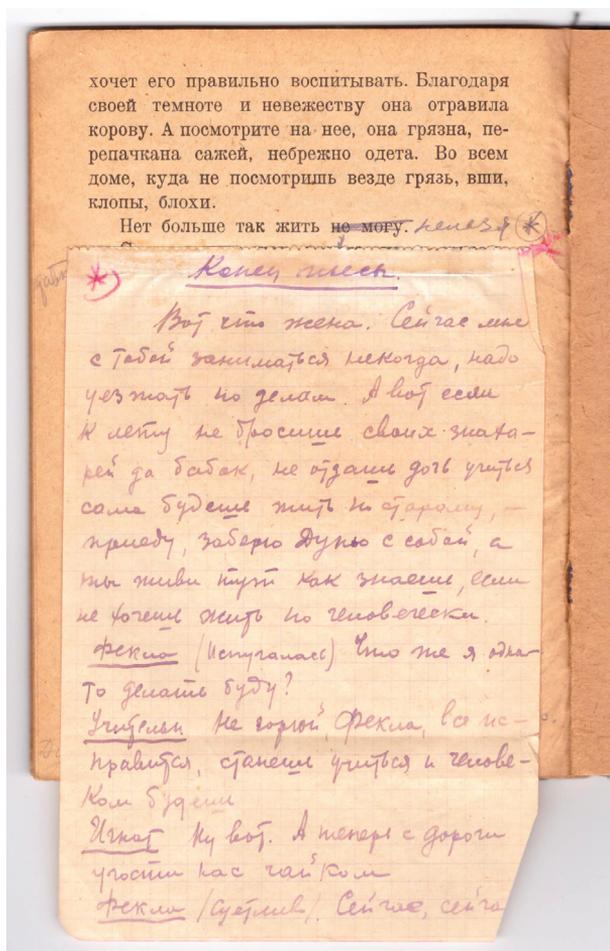
Прежде всего я попытаюсь ответить на вопрос, когда и кем были сделаны записи в книге. В тексте пьесы барышник комментирует свой обман: «Девять лет таскал царские кредитки и не знал куда девать их, и, наконец, нашел дуру и сбыл»⁴ [Мартынов 1927: 14]; в рассматриваемом экземпляре «девять лет» исправлено на «10 лет»: это позволяет предположить, что с формальной точки зрения коррективы могли вноситься в книгу через год-два после ее выхода. В то же время, учитывая, что в советской России царские деньги фактически изымались из обращения декретами 8 и 28 сентября 1922 г. [Ходяков 2019:

¹ Тимофей Михайлович Мартынов (1891–1964) — рабкор, журналист, в 1924–1932 гг. жил в г. Переславле-Залесском Владимирской губернии / Ивановской промышленной области, с 1932 г. до конца жизни — в г. Любиме Ярославской области. Во второй половине 1920-х годов — заместитель редактора переславской газеты «Коммунар», секретарь фабричного управления фабрики «Красное эхо», член Переславль-Залесского научно-просветительского общества [Амангельдыева 2006 (гл. 5); Иванов 2004: 77; Фоменко 2019: 58, 60, 62].

² Об ассоциации в пропаганде первых десятилетий советской эпохи (в том числе в агиттеатре) женщин с отсталостью, неграмотностью и «темнотой» см., например: [Вуд 2020; Wood 2005: 128–149]. Ср., впрочем, обратную ситуацию — использование в агитации 1920-х годов темы «бабьих бунтов», в рамках которой конструировалась ситуация протеста «просвещенных» женщин против «отсталости» их мужей [Графова 2021].

³ Хранится в личном архиве автора статьи.

⁴ Орфография и пунктуация письменного источника и рукописных правок при цитировании сохраняются.

Последняя страница пьесы «Тьма» с рукописной вклейкой

The last page of the play "Darkness" with a handwritten insert

95], верхней границей внесения правок могут быть 1932–1933 гг. Кроме того, известно, что данный экземпляр брошюры попал в Нижний Новгород: на нем стоят штампы кабинета политпросветработника Нижкрайона, а также Государственной областной библиотеки имени Ленина (г. Горький), куда книга, очевидно, поступила после Нижкрайона и откуда была затем передана в московскую Библиотеку имени Ленина (ныне РГБ). Таким образом, вероятно, автор правок имел отношение к Нижегородскому краевому (до июня 1929 г. губернского) отделу народного образования, в компетенцию которого входило в том числе курирование театральной работы. С февраля 1919 г. при подотделе искусств в нем действовала театральная секция, которая, в частности, распространяла и рекомендовала к постановке на местах те или иные произ-

ведения, объявляла конкурсы на революционные пьесы, осуществляла идеологический контроль над репертуаром театров и клубов (см.: [Хорошкин 2011: 16–23, 38–39]).

Можно предположить, что пьеса рассматривалась как перспективная для постановки. На это отчасти указывает и разделение текста на части, по всей вероятности сцены: на пустой 4-й странице брошюры в столбик записано: «Кто такая Фекла / Письмо / Торговля / Темный разговор / Начинает проясняться / Все ясно»; в тексте соответствующие фрагменты отбиты чертами. Внутри некоторых реплик персонажей расставлены галочки, видимо, маркирующие паузы в речи актеров, — например, реплика Феклы, адресованная дочери Дуньке: «...я вот возьму ухват, да так тебя научу, что век не забудешь, [галочка] ишь бездельница што выдумала...» (с. 6), или реплика Охмурялкина: «Это мы можем, [галочка] прочтем» (с. 10).

К сожалению, неизвестно, была ли в итоге поставлена «Тьма» (будь то с учетом корректив или нет), однако сами по себе правки представляют интерес. Я рассмотрю их и попытаюсь предположить, чем руководствовался их автор.

Некоторые правки можно охарактеризовать как фактографические. Так, слово *школа* последовательно меняется на *ликпункт*, т. е. пункт по ликвидации безграмотности (пример 1)⁵. С одной стороны, корректива подчеркивала, что ни Фекла, ни ее дочь ранее не посещали школу и нуждались в элементарном обучении грамоте. С другой стороны, правка интересна в контексте процессов в области раннесоветского народного образования, в том числе в контексте конкуренции между органами Наркомпроса (к нему относились локальные отделы народного образования — ОНО) и комсомольскими активистами — так называемыми культармейцами, участниками объявленного в 1928 г. культпохода, целью которого была борьба с неграмотностью и в рамках которого, в частности, разворачивались новые ликпункты⁶. Фактически можно говорить о перехвате в конце 1920-х годов инициативы по организации ликбеза культармейцами у ОНО (см.: [Панкрат 2022: 353–355; Штамм 1988: 193–195; Fitzpatrick 1979: 161–180]), при этом деятельность ОНО в данной сфере могла подвергаться критике как непродуктивная, а самим этим отделам рекомендовалось «широко применять методы культпохода, решительно преодолевать элементы аполитичности и узкого культурничества» [Штамм 1988: 193]. Таким образом, можно предполагать, что исправление *школы* на *ликпункт* диктовалось конъюнктурными соображениями: автор правок, имевший отношение к Нижкрайно, вероятно, стремился приблизить пьесу к росшим требованиям по усилению пропаганды ликбеза, сигнализировать об открытии новых ликпунктов (в которые следовало вовлекать неграмотных зрителей агитационной пьесы) и т. п.

---

⁵ В примерах слова и фрагменты, подвергшиеся изменению (левый столбец), и правки (правый столбец) выделены курсивом.

⁶ См. подробнее об институциональной конкуренции в советском народном образовании, в том числе в связи с изменениями политической ситуации 1920–1930-х годов: [Fitzpatrick 1979, esp. 10–17, 113–135].

Пример 1

Оригинал

Учительница. Опять пришла сказать вам, чтоб *вы* дочку отдали в школу и сами учились.

Фекла. Ах, надоели вы мне с *этой* самой вот школой. Идите все к чорту.. [sic!] Сама не буду учица и Дуньку не отдам. Не нужна мне *твоя* школа [Мартынов 1927: 23].

Правка

Учительница. Опять пришла сказать вам, чтоб *вы с дочкой* шли в ликпункт.

Фекла. Ах, надоели вы мне с *этим* лик[пунктом]. Идите все к чорту.. [sic!] Сама не буду учица и Дуньку не отдам. Не нужна мне *твой* ликпункт[т].

Учительница. Я вот и пришла за тем, чтобы вовлечь *вашу* дочку в школу, а супругу в ликпункт [Мартынов 1927: 26].

Учительница. Я вот и пришла за тем, чтобы вовлечь [дочь исправлено на девочку, супругу на Феклу, потом зачеркнуто] *их* в ликпункт.

Игнат. Завтра же иди в школу.
Фекла. Надоели вы мне с вашей школой [Мартынов 1927: 26–27].

Игнат. Завтра же иди в ликпункт.
Фекла. Надоели вы мне с вашей ликпунктом.

К стилистическим правкам можно отнести исправление слов и целых реплик, очевидно, показавшихся автору правок неровными или избыточными. В частности, учительница обращается к девочке Дуньке теперь не на «вы» (что более подходило бы для речи «старорежимной» гимназической учительницы «из бывших», чем для 22-летней участницы сельского ликбеза, в идеале комсомолки), а демократично на «ты»⁷. Канцеляризм *непроизводительно* заменяется более понятным и «живым» *зря* (пример 2).

Пример 2

Оригинал

Степка (*в окно*). Тетка Фекла, ты зачем меня звала?

Фекла. Войди, касатик Степа, прочти письмоцо.

Степка. (*Входит*). Здравствуй, тетка Фекла!

Фекла. Здорово, родимый. Нако, касатик, прочти, что пишет Игнат-то [Мартынов 1927: 7].

Правка

Степка (*вошел*). Тетка Фекла, ты зачем меня звала?

Фекла. касатик, прочти-ка, что пишет Игнат-то.

⁷ Обращение педагогов к ученикам на «вы» было типично для дореволюционных гимназий, хотя, судя по литературным источникам, практиковалось не повсеместно. Не вполне ясен источник этого знания для автора пьесы, который родился в деревне и имел лишь начальное образование [Амангельдыева 2006 (гл. 5)]. У меня нет достоверных свидетельств о том, что обращение к детям на «вы» практиковалось именно сельскими учителями и в предреволюционную эпоху, и в 1920-е (так, описанная в автобиографических «Других берегах» В. В. Набокова [1990: 142] практика связана с несколько иными отношениями: сельский учитель говорит «вы» дворянскому сыну, для которого был нанят в качестве своего рода репетитора). Впрочем, обращение могло зависеть от социального происхождения и образования конкретного педагога.

<p>Степ ка (бросая на стол письмо). Дорого, тогда сама <i>прочти</i> [Мартынов 1927: 8].</p> <p>Учительница. А почему <i>вы, девочка</i>, в школу не <i>ходите</i>?</p> <p>Дунь ка. Мамка не пускает.</p> <p>Учительница. А <i>вам хотелось</i> учиться?</p> <p>Дунь ка. Знамо хочется.</p> <p>Учительница. Так <i>вы и ходите</i> ко мне в школу. <...> Фекла Феоктистовна, не губите <i>девочку</i>, отдайте ее учиться [Мартынов 1927: 24].</p>	<p>Степ ка (бросая на стол письмо). Дорого, тогда сама <i>и читай</i>.</p> <p>Учительница. А почему <i>ты</i> в школу не <i>ходишь</i>?</p> <p>Дунь ка. Мамка не пускает.</p> <p>Учительница. А <i>тебе хочется</i> учиться?</p> <p>Дунь ка. Знамо хочется.</p> <p>Учительница. Так <i>ты и ходи</i> ко мне в школу. <...> Фекла Феоктистовна, не губите <i>свою дочь</i>, отдайте ее учиться.</p>
<p>Игнат. Я тружусь, работаю, посылаю ей денег, она их <i>непроизводительно</i> тратит <...>. Она имеет <i>ребенка</i>, не умеет и не хочет его правильно воспитывать [Мартынов 1927: 31–32].</p>	<p>Игнат. Я тружусь, работаю, посылаю ей денег, она их <i>зря</i> тратит <...>. Она имеет <i>дочь</i>, не умеет и не хочет его правильно воспитывать.</p>

Особый интерес представляют правки, очевидно, обусловленные идеологически. Так, реплика дочери Феклы «Ты, мама, как хошь, а меня отдай учиться» [Мартынов 1927: 6] исправляется на «...а буду учиться» — и двенадцатилетняя Дунька мгновенно превращается из объекта в субъекта, сознательно разделяющего ценности «нового быта», — вполне в соответствии с раннесоветской установкой на конструирование детской субъектности, когда ребенок наделялся функцией проводника советской идеологии, в перспективе могущего перевоспитать родителей, буквально приучая их к новым ценностям, в том числе пропагандируя грамотность (см., например: [Маслинская 2012: 51; Васеха 2018: 154]). Ср. также цитату из примера 1: «...чтоб вы дочку отдали в школу и сами учились» меняется на «...чтоб вы с дочкой шли в ликпункт» — автору правок недостаточно изменить *школу* на *ликпункт*, ему важно устранить в высказывании грамотной учительницы, носительницы новой идеологии, указание на зависимый статус ребенка.

По всей вероятности, идеологический характер носит и исправление ряда речевых ошибок, искажений или стилистически маркированных оборотов в речи Феклы, ее подруги крестьянки Домны и дочери Дуньки. Так, просторечное *тятя* при правке превращается в более соответствующее речи стремящегося к грамотности «сознательного» ребенка *отец*, архаичное *оне* — в *они*, *седатель* — в *председателя*, а *камолец* ‘комсомолец’ — в более близкое к оригинальному фонетическому облику слова *косомолец*⁸ (пример 3).

⁸ Просторечное *косомолец* отмечалось в речи сельских жителей в 1920-е годы [Селищев 2003: 215]. О массовом непонимании крестьянами 1920-х (в том числе грамотными и малограмотными) языка советской печати, в частности лексики новой эпохи, и об искажениях соответствующих терминов в живой речи см.: [Там же: 210–218; Шафир 1924].

Пример 3

Оригинал	Правка
Д у н ь к а. Мама, прочитать бы надо письмо, узнать што <i>тятя-то</i> пишет [Мартынов 1927: 6].	Д у н ь к а. Мама, прочитать бы надо письмо, узнать што <i>отец</i> пишет.
Д о м н а. Не стерпела я, да как двину ее <i>скалком</i> по башке, да за косы еще давай валтузить. Она это заорала, а тут хватъ и входит <i>камалец</i> , Гришка. В чем дело говорит, не дал мне больше бить училку, <i>меня повел</i> и училку к <i>седателю</i> , написали там ахт какой-то и в суд [Мартынов 1927: 19].	Д о м н а. Не стерпела я, да как двину ее <i>скалкой</i> по башке, да за косы еще давай валтузить. Она это заорала, а тут хватъ и входит <i>косомалец</i> , Гришка. В чем дело говорит, не дал мне больше бить училку, <i>повел меня</i> и училку к <i>председателю</i> , написали там ахт какой-то и в суд.
Ф е к л а. Царю, да барину, им и заплатить не грех, а тут <i>кому</i> какому-то голышу, прости господи [Мартынов 1927: 20].	Ф е к л а. Царю, да барину, им и заплатить не грех, а тут какому-то голышу, прости господи.
Д о м н а. А я думаю, Феклуша, <i>оне</i> налог себе-то не берут. Ф е к л а. Куда же <i>оне</i> его девают? [Мартынов 1927: 21].	Д о м н а. А я думаю, Феклуша, <i>они</i> налог себе-то не берут. Ф е к л а. Куда же <i>они</i> его девают?

Несмотря на то что просторечия, диалектизмы и искажения в речи Феклы и других героинь пьесы все же не вычищаются полностью (остаются, например, *лядатор* ‘ликвидатор (безграмотности) (?)’, *ахт* ‘акт’, *касомол* ‘комсомол’, *кушерка* ‘акушерка’), создается впечатление, что автор правок стремится несколько смягчить образ темной, неграмотной деревенской женщины. И это касается не только речи. С одной стороны, сокращаются описания убогого быта. Так, зачеркнуто описание сцены в начале пьесы (впрочем, эта правка могла быть обусловлена невозможностью воспроизвести на сцене описанную обстановку):

Действие происходит в захолустной деревне. Грязная деревенская изба. Везде следы неопрятности, на непокрытом столе крошки и куски хлеба. На лавках стоят в беспорядке непокрытые горшки, чашки, плошки. В углу лохань с помоями, над лоханью висит на веревках глиняный умывальник и грязное полотенце. В углах тенета. Фекла, сидя на лавке, прядет. Одета в грязный сарафан, лоб перепачкан сажей. Дунька также неаккуратно одетая сидит на полу и сучит из хлопка сканцы [Мартынов 1927: 5].

Из монолога учительницы, пришедшей уговаривать Феклу идти с дочерью учиться, изъят значительный фрагмент (ниже выделен курсивом), в котором также характеризуется неряшливая обстановка в доме героини. В изъятном высказывании речь идет не о том, что грязь в доме скверна и вредна сама по себе, а о том, что это не понравится мужу Феклы, — такое «патриархальное» акцентирование явно не должно было выходить на первый план:

Значит он сегодня должен быть, *а она, чудная баба, ходит вся в саже, в помещении грязь (смотрит кругом), везде не убрано.*

Воображаю, как это ему понравится. Вот что значит темнота и неграмотность. Нет, насчет дочки надо с отцом поговорить, он, очевидно, грамотный и толковый человек и скорее поймет [Мартынов 1927: 25].

Более того — сокращается количество критических характеристики и инвектив в адрес Феклы. Кроме «чудной бабы» из уст учительницы, убраны «бабы глупые [мозги]» и «дура» в речи Игната, «темная женщина» в речи Петровича — товарища Игната, выполняющего функцию героя-резонера, — а также несколько реплик, в которых Игнат и Петрович высказывают сомнения в психическом здоровье Феклы (все эти высказывания звучат после того, как Фекла пересказывает письмо Игната в передаче обманщика Охмурылкина) (пример 4). Очевидно, что в ситуации, когда пропагандировалось раскрепощение женщины, а установка «баба не человек» критиковалась как наследие «старого режима», положительный персонаж не должен был позволять себе подобных высказываний. При этом показательно, что подобные инвективы в речи отрицательного героя Охмурылкина сохраняются: «Как было бы хорошо нашему брату-торговцу, если бы на советской Руси побольше таких неграмотных и глупых баб было. <...> Нашел дуру...» [Мартынов 1927: 15].

Пример 4

Оригинал

Игнат. Ничего не понимаю, мелет какую-то ерунду про яйца, масло, царь Михаил едет, советская власть треснула. Последние твои *бабы глупые* мозги очевидно треснули.

Петрович. Да, друг, здесь похоже у ней не ладно (показывает на голову). В сумасшедший дом надо отправить.

Фекла. Это кого отправить?

Петрович. Вас, дорогая, вас.

Фекла. Эта по какому-такому праву-то!

Игнат. Да по такому, что ты ерунду городишь [Мартынов 1927: 27–28].

Фекла. Што, рази неправда, это што власть-то треснула и царь Михаил едет?

Игнат. Замолчи, дура...

Петрович. Нет, темная женщина, советская власть крепка, как гранитная скала, ибо на ее стороне вся человечья правда.

Игнат. Не агитируй ее Петрович, все равно она тебя не поймет [Мартынов 1927: 30].

Правка

Игнат. Ничего не понимаю, мелет какую-то ерунду про яйца, масло, царь Михаил едет, советская власть треснула. Последние твои мозги очевидно треснули.

Фекла. Што, рази неправда, это што власть-то треснула и царь Михаил едет?

Игнат. да Замолчи ты уж лучше

Петрович. Учиться нужно. Ученье свет, а неученье тьма [Мартынов 1927: 27].

Петрович. Учиться нужно. Ученье свет, говор[ят] Сейчас советская власть все с[илы] бросила на борьбу с неграмотн[остью].

Игнат. [Не] агитируй [ее] Петрович [все] равно она [т]ебя сейчас [не] поймет.

Примечательно, что в последней из правок даже редуцирована вторая часть известной поговорки, в которой в очередной раз упоминается критикуемая в пьесе «тьма» («...а неученье тьма»). Сюда же перенесена реплика Игната, в которой тот говорит товарищу о тщетности «агитации»; при этом важным представляется добавление отсутствовавшего в речи Игната слова *сейчас* («все равно она тебя с е й ч а с не поймет») (пример 4, 2-я и 3-я строки). Корректива, таким образом, имплицитно содержит указание на будущее просвещение Феклы, подразумевая, что лишь в настоящее время она не способна понять «агитацию», но в будущем, когда пойдет учиться, — вероятно, поймет. Примечательно также купирование высказывания резонера Петровича о крепости советской власти, подобной гранитной скале, на стороне которой «вся человечья правда». Возможно, это высказывание показалось автору правок неуместным в силу своей стилистической возвышенности: в конце 1920-х годов декларировался отказ от «ура-агитки» и «революционной трескотни» в пользу конкретно-бытовой проблематики, что сказывалось, в частности, и на самодеятельном театре (см.: [Блок, Шульпин 2000: 145])⁹. Вместо этого Петрович прямо говорит о конкретной стратегии советской власти, которая борется с неграмотностью (пример 4, 3-я строка).

Наконец, новый вариант финала более оптимистичен. Конец пьесы переписывался несколько раз. В первом варианте (правки карандашом в книге) Игнат, уже ушедший от Феклы и забравший дочь, возвращается как бы на полпути и просит чаю, а Фекла демонстрирует шаги к исправлению, отправляя Дуньку подмести пол. Очевидная нелогичность этой правки (сначала муж героини уходит, а потом внезапно просит «угостить чайком») устранена в варианте, представленном на вклейке: здесь Игнат лишь прозит уйти вместе с Дунькой, если Фекла не начнет «жить по-человечески», т. е. не пойдет учиться грамоте и не прекратит обращаться к знахарям (пример 5). В этом контексте и высказывание учительницы о том, что «все исправится», и порыв Феклы навести порядок в избе определенно в большей степени указывают на ее будущее исправление.

⁹ В частности, в журнале «Деревенский театр» в 1920-е годы звучали советы не «перегружать» предназначенные для сельских зрителей спектакли «поучением и агитацией за счет <...> занимательности. <...> От голой учобы [sic!] и агитации крестьяне бегут с постановок» [Мыльников 1927]. Драмкружковцам, готовящим пьесы к постановке, рекомендовалось сокращать «ненужные места <...> (тягучесть, скучные места и т. п.)» [Ивашенко 1926].

Пример 5

Оригинал

Игнат. Нет больше так жить *не могу*. Я отказываюсь от нее (к Дуньке). Идем Дуня, мать не воспитает тебя так как нужно, едем со мной в Москву (к Петровичу). Идем Петрович. Здесь нам больше делать нечего. (Игнат, Петрович и Дунька уходят).

Фекла. Игнат... Игнат... куда, ты... Дунька... Дунька... Зачем вы меня бросили?

Игнат (в дверь). Ты будешь с нами только тогда, когда научишься жить по-человечески.

Фекла (тащит учительницу за рукав). Что я *сейчас* одна-то делать буду?

Учительница (успокаивающе). Не горюй, Фекла, все исправится. *Пойдешь учиться в школу* и человеком будешь.

Занавес.

[Мартынов 1927: 32]

Правка, 1-й вариант

Игнат. Нет больше так жить *нельзя*. Я отказываюсь от нее (к Дуньке). Идем Дуня, мать не воспитает тебя так как нужно, едем со мной в Москву (к Петровичу). Идем Петрович. Здесь нам больше делать нечего. (Игнат, Петрович и Дунька уходят).

Фекла. Игнат... Игнат... куда, ты... Дунька... Дунька... Зачем вы меня бросили?

Игнат (в дверь). Ты будешь с нами только тогда, когда научишься жить по-человечески.

Фекла (тащит учительницу за рукав). Что *же* я одна-то делать буду?

Учительница (успокаивающе). Не горюй, Фекла, все исправится. *Станешь учиться* и человеком будешь.

Игнат. *Ну вот. А теперь с дороги угости нас чайком.* [Зачеркнуто: *Горевать поздно что сделано, не воротись.*]

Фекла. *Сейчас, сейчас все сделаю. Дунюшка, подмети-ка пока избу.*

Правка, 2-й вариант

Игнат. Нет больше так жить *нельзя**.

[Вклейка] *Конец пьесы.

Вот что жена. Сейчас мне с тобой заниматься некогда, надо уезжать по делам. А вот если к лету не бросишь своих знахарей да бабок, не отдашь дочь учиться сама будешь жить по старому, — приеду, заберу Дуню с собой, а ты живи тут как знаешь, если не хочешь жить по-человечески.

Фекла (Испугалась) Что же я одна-то делать буду?

Учительн[и]ца. Не горюй, Фекла, все исправится, станешь учиться и человеком будешь

Игнат Ну вот. А теперь с дороги угости нас чайком

Фекла (Суетливо). Сейчас, сейчас все сделаю
Дунюшка, подмети ка пока пол.

Занавес.

Еще одно содержательное исправление — вставка, в которой Фекла неправильно понимает указание знахаря и предполагает, что пузырек с наговоренным снадобьем следует влить в рот не корове, а Богородице. Этот элемент, явно введенный для развлечения публики, видимо, преследует цель не столько продемонстрировать глупость героини, сколько высмеять религию за счет кощунственного высказывания (пример 6).

Пример 6

Оригинал

Дунька (входит и передает Фекле пузырек с жидкостью). На вот, мама, Михалыч велел прочитать богородицу и влить *Пестрянке* в рот [Мартынов 1927: 23].

Правка

Дунька (входит и передает Фекле пузырек с жидкостью). На вот, мама, Михалыч велел прочитать богородицу и влить *ей* в рот.
Фекла[а.] *Кому в рот? Богородице?*
Дун[ька.] *Да не богородице, а корове.*

Как представляется, характер значительной части правок, заключавшихся в том, чтобы снизить концентрацию «тьмы» в образе деревенской женщины и описании ее быта, соответствует двум раннесоветским идеологическим установкам.

В соответствии с первой установкой вина в невежестве крестьянства лежит не на самих крестьянах, а на «старом режиме». Так, очень отчетливо (и запоминаемо) эта идея эксплицитовалась в стихотворении Демьяна Бедного «Не забывайте безграмотных братьев» (1920), хорошо известном в раннесоветском просветительском дискурсе, — его публиковали в букварях для взрослых 1920-х годов, «читали на вечерах, посвященных окончанию школ грамоты, декламировали на делегатских собраниях женщин, на крестьянских сходах, в красноармейских частях, на рабочих митингах» [Куманев 1973: 132]:

Власть царская народ держала в нищете,
И в нищете и в темноте.

<...>

И вас, читающих простые эти строки,
Молю я: взяв из книг хорошие уроки,
Делитесь потом усвоенным добром
С тем, кто с хрым умом и кто с душой слепую
Бредет, безграмотный, извиистой тропюю.
Не по своей вине наш брат и слеп и хром.

<...>

Так пусть же, братья, в эти дни
Плоды свободы, радость нашу,
Прозрев, разделят и они, —
Разделят и поймут, идти с кем надо в ногу,
Чтоб выйти на простор, на светлую дорогу.

[Бедный 1954: 405]

Согласно установке «“безграмотный брат” невежественен “не по своей вине”», авторы агитационных пьес, безусловно осуждая безобразные поступки своих персонажей, старались найти им объяснение. В этом смысле показательны так называемые агитсуды. Общим местом в речах защитников в таких театрализованных судах была констатация отрицательного влияния на обвиняемых обстоятельств и среды (а иногда к собственному невежеству как к оправдывающему фактору апеллировали и сами подсудимые [Wood 2005: 99–100]). Основанием для смягчения приговора становились благоприятное классовое происхождение, «болезненная наследственность, тяжелые материальные условия» [Сидорчук 2021: 37]. Совершившим преступление или проступок рабочим, крестьянам и солдатам зачастую выносился условный приговор, объявлялось общественное порицание и т. д.; если подсудимый был безграмотным, его непременно обязывали учиться (см. подробнее: [Wood 2005: 85–127]). При этом безусловно не заслуживающими снисхождения обычно признавались «классовые враги» (священно- и церковнослужители, нэпманы, бывшие дворяне, торговцы-растратчики и т. д.); более того: именно на них могла перекладываться вина по причине их пагубного влияния на подсуди-

мых. В любом случае степень виновности и тяжесть наказания коррелировали с классовой принадлежностью.

Приведу три примера.

Адвокат в одной из «революционных пьес» говорит о представших перед судом дезертирах, которые уклонялись от трудовой повинности и организовали вооруженную банду, совершившую убийство:

Особенности буржуазного общества были таковы, что они калечили человеческую личность нравственно и это мы наблюдаем здесь, в лице подсудимых <...> они настолько искалечены, что, не отдавая себе ясного отчета в своих действиях, хотят жить по[-]старому, хотя сама действительность говорит, что к старому возврата не может быть... [Вишневыский 1921: 29].

Суд не считает возможным оправдать подсудимых — бывшего царского генерала, «врага трудящихся и слугу прежнего буржуазного строя», которого приговаривает к расстрелу, и бывших купцов, которых приговаривает к 15 годам принудительных общественных работ; что касается рабочих, «действовавших по невежеству и малосознательности», они приговариваются к разным срокам «рабочего дома» (5 и 8 лет), в том числе условно (в последнем случае речь идет о женщине) [Там же: 30].

Другой пример — агитсуд над крестьянкой-самогонщицей Анохиной, которая вдобавок не желает посещать школу для взрослых («Наше дело бабье. Ни к чему нам грамота», — говорит она [Вержбицкий 1924: 13]), отговаривает от ее посещения односельчан, распространяет сплетни о местной учительнице, водит дружбу с кулаком-лавочником Обираловым и священником Всехсвятским, которых обеспечивает самогоном. Даже прокурор, предлагающий выселить подсудимую, в обличительной речи указывает, что отнюдь не она является корнем зла:

Анохина — враг общества трудящихся, и мы, чтобы нам можно было спокойно жить и работать, должны во что бы то ни стало избавиться от нее. <...> Но этого, конечно, мало. Не будет Анохиной — останутся Обираловы и Всехсвятские. Они породят новую Анохину. Поэтому я предлагаю обезвредить и их, переведя их из свидетелей в подсудимые, и назначив для них особое судебное разбирательство [Там же: 17].

За самогонщицу вступается учительница: по ее словам, вина лежит, с одной стороны, на «старом режиме» («При старой царской власти Анохину не обучили грамоте[,] она выросла в темноте и невежестве, и эта темнота до сих пор застилает ее глаза» [Там же: 18]), с другой — на лавочнике и священнике, оказывавших на нее дурное влияние и провоцировавших на преступную деятельность («Темная женщина запуталась, оказалась в лапах пауков, для которых темнота и пьянство являются той мутной водицей, в которой они ловят рыбку» [Там же: 17]). Эта аргументация находит понимание у суда, который, «признавая, что поведение Анохиной было вызвано влиянием на нее местного кулака Обиралова и священника Всехсвятского, а также ее неграмотностью и

темнотой, <...> объявляет свой приговор условным и обязывает Анохину в течение полугода посещать школу»; против лавочника и священника, фигурировавших на суде как свидетели, начинается следствие [Вержбицкий 1924: 18–19].

Такой же условный приговор агитсуд выносит проститутке Евдокимовой, скрывшей от своего посетителя то, что она больна сифилисом (и заразившей его), в то время как занимающуюся сводничеством псаломщицу Свиридову приговаривает к тюремному заключению с конфискацией имущества. Защитник говорит, что Евдокимова, женщина пролетарского происхождения, — «жертва, придавленная наследием старой жизни, задушенная нуждой, испепеленная в котле новых строящихся отношений переходного времени», и призывает «спасти человека» [Аккерман 1925: 59, 61], при этом соглашаясь с позицией обвинителя по поводу сводницы-церковнослужительницы: «Свиридовых не перевоспитать» [Там же: 61].

Таким образом, авторы агитационных театральных инсценировок 1920-х годов были склонны частично снимать ответственность с классово близких персонажей, перекладывая ее на «старый мир» и его агентов — «попов», «кулаков» и т. д. Будучи жертвами среды, невежественные пролетарии, крестьяне и солдаты, таким образом, заслуживают скорее морального осуждения, чем сурового наказания, и обязаны исправиться.

Вторая установка, в частности, напрямую артикулировавшаяся в текстах иного рода — в изданиях для рабселькоров, — заключалась в том, что при описании современной жизни, в том числе крестьянской, не следует сосредотачиваться лишь на критике ее неприглядных сторон. По наблюдениям исследователей, если в 1920-е годы рабселькоров ориентировали скорее на критику существующих недостатков, на помощь советской власти в борьбе с ними, то с конца 1920-х, с периода «великого перелома», — прежде всего на изображение «позитивных изменений» [Костякова 2012: 68, 70]. Эта тенденция была закреплена в постановлении ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 г., согласно которому если «в первый период развития рабселькоровского движения главная задача рабселькоров сводилась к разоблачению и вскрытию мелких недостатков <...>, то в нынешний период рабселькор должен гораздо глубже вникать во все важнейшие вопросы социалистического строительства, всесторонне выявляя недостатки, а также освещая наиболее яркие положительные стороны достижения социалистического строительства на всех его участках» (цит. по: [Маркасова 2002: 211]). Между тем о нежелательном ограничении, например, селькорской работы лишь выявлением недостатков говорилось уже в середине 1920-х. Так, М. И. Калинин, выступая 3 февраля 1924 г. на Всесоюзном совещании крестьянских корреспондентов «Бедноты» с установочной речью «О задачах деревенских корреспондентов», указывал на то, что «одно описание крестьянской нужды мало дает. Надо еще выхода искать из крестьянской нужды или по крайней мере указать, что эти нужды являются по тем или иным причинам преходящими явлениями» [Калинин 1957: 98]. Разумеется, селькорам рекомендовалось обличать «все темное и невежественное» (а среди «темных сторон деревенской жизни» значились «суеверие, обряды, вера в чудеса, лечение не медицинским путем» [Нехамкин 1925: 36–37]), но в соответствии с указанной идеей постулировалась необходимость «разностороннего освещения жизни», фиксации как отрицательных, так и положительных сторон. Так,

автор одной из методичек, отмечая, что больше трех четвертей селькоровских писем имеют разоблачительный характер, утверждал, что разоблачение — это «только первая ступень, подготовка к другой[,] более важной (здесь и далее соответствующие фрагменты выделены в источниках полужирным. — М. А.) работе»; что селькор, если он только «протягивает» (т. е. критикует), «слишком узко понимает свою задачу», которая состоит в том, чтобы «действительно, на деле исправлять недостатки» личным примером [Глебов 1926: 17–18]. Ср. другие высказывания из методичек:

Правда, наша деревня темна, невежественна; множеством вопиющих фактов насыщена рождающаяся новая, советская деревня! Но ведь «лед тронулся», есть в ней и хорошее, новое, поучительное. Революция, работа партии оставляют глубокие следы на старом укладе жизни. Вот это[-]то и необходимо регулярно описывать. Описать, например, как крестьяне данного района поняли вред трехполки, перешли к многополью [Нехамкин 1925: 17].

Селькор не должен увлекаться «разоблачениями». Не только в этом задача селькора. Нужно уметь видеть и светлые стороны деревенской жизни и писать, как идет деревня к новой жизни [Андреев 1928: 13].

Правки анонима к пьесе Мартынова вполне отвечают этим идеям. Темная крестьянка Фекла нелепа и смешна, но она не несет в полной мере ответственности за свое невежество, а стало быть, не заслуживает и такого сурового наказания, как перспективы быть брошенной мужем и лишенной ребенка. А поскольку советская деревня в соответствии с декларируемыми установками неуклонно движется к новой жизни, должна перевоспитаться и Фекла. Контррежиссеры гипотетического режиссера из Нижегородского крайно, таким образом, сглаживая критические углы изначальной публикации, предполагали большую ее приближенность к актуальным идеологическим установкам.

Источники

Аккерман 1925 — *Аккерман А. И.* Суд над проституткой и сводницей. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925.

Андреев 1928 — *Андреев А.* Селькор и строительство новой деревни. Л.: Изд-во Ленингр. Облисполкома, 1928.

Бедный 1954 — *Демьян Бедный.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Стихотворения, басни, повести, сказки, фельетоны. Ноябрь 1917 — 1920 / Сост. и подгот. текста А. А. Волкова; Примеч. С. В. Шириной, А. Л. Антоненковой. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954.

Вержбицкий 1924 — *Вержбицкий.* Суд над самогонщицей. Марией Анохиной, неграмотной бабой-крестьянкой // Долой неграмотность!!! Все на борьбу с темнотой!: Сб. инсценировок, пьес и статей по ликвидации неграмотности с руководящими указаниями. «К первомайскому трехдневнику» 1–3 мая 1924 года. Льгов: Изд. Львовского Уезд. Отд-я О-ва «Долой Неграмотность», 1924. С. 12–19.

Вишневатский 1921 — *Вишневатский Ф. Ф.* Да здравствует труд! (Суд над дезертирами): Революционная пьеса в 4 действиях. Вятка: 1-я Гос. Типо-литография, 1921.

- Глебов 1926 — *Глебов А.* Памятка селькора. М.: Крестьянская газета, 1926.
- Ивашенко 1926 — *Ивашенко.* Выбор пьесы и подготовительная работа над ней // Деревенский театр. 1926. № 8. С. 6.
- Калинин 1957 — М. И. Калинин об искусстве и литературе: Статьи, речи, беседы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957.
- Куманев 1973 — *Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. М.: Наука, 1973.
- Мартынов 1927 — *Мартынов Т. М.* Тьма: Пьеса в одном действии. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927.
- Мыльников 1927 — *Мыльников Н.* На письмо Тайгина // Деревенский театр. 1927. № 1. С. 29.
- Набоков 1990 — *Набоков В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Приглашение на казнь; Другие берега; Весна в Фиальте. М.: Правда, 1990.
- Нехамкин 1925 — *Нехамкин Гр. А.* Селькор и газета (руководство для селькоров, о чем и как писать в газету). Л.; М.: Гос. изд-во, 1925.
- Шафир 1924 — *Шафир Я.* Газета и деревня. 2-е изд., доп. М.; Л.: Изд-во П. Д. Д. «Красная новь», 1924.

Литература

- Амангельдыева 2006 — *Амангельдыева Т. А.* Любимцы в годы Великой Отечественной войны. [Ярославль, 2006]. [Цит. по републ. на сайте Любимского историко-краеведческого музея]. URL: <http://lubim-muzej.ru/index.php/biblioteka/biblioteka-muzeya-4/329-amangeldyeva-t-a-lyubimtsy-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>.
- Блок, Шульпин 2000 — *Блок В. Б., Шульпин А. П.* Самодельный театр на рубеже 20–30-х годов. Основные тенденции развития. ТРАМЫ // Самодельное художественное творчество в СССР: Очерки истории: 1917–1932 гг. / Ред. С. Ю. Румянцев, А. Л. Сокольская, Л. П. Солнцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 143–169.
- Васеха 2018 — *Васеха М. В.* «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 17. № 5: Археология и этнография. 2018. С. 150–160.
- Вуд 2020 — *Вуд Э.* Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917–1922 гг. // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.) / Ред. кол.: Т. А. Абросимова и др. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 223–237.
- Графова 2021 — *Графова М.* «Бабий бунт» в советской агитационной литературе 1920-х годов // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 94–110.
- Иванов 2004 — *Иванов К. И.* Фабрика «Красное эхо»: 1849–1949 гг. Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПиК, 2004.
- Костякова 2012 — *Костякова Ю. Б.* Рабочие и сельские корреспонденты: оценка с позиции интеллигентоведения (на материалах Хакасии и Горного Алтая) // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 60–78.
- Маркасова 2002 — *Маркасова Е. В.* Судьба селькора: социальная мобильность в контексте самовосприятия (1924–1931 гг.) // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: Материалы 3-й Всерос. летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности». Казань, июнь-июль 2002 г. / Под ред. С. Ю. Малышевой. Казань: [б. и.], 2002. С. 210–226.

- Маслинская 2012 — *Маслинская (Леонтьева) С. Г.* «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон в СССР // *Живая старина*. 2012. № 3. С. 49–52.
- Панкрат 2022 — *Панкрат И. А.* Особенности внутренней эволюции политики ликвидации безграмотности в 1920-е годы // *Скиф: Вопросы студенческой науки*. 2022. № 1. С. 349–358.
- Селищев 2003 — *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. (1-е изд.: М.: Работник просвещения, 1928).
- Сидорчук 2021 — *Сидорчук И. В.* Агитсуды как форма агитационно-пропагандистской работы в 1920-е гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. Сер. Исторические науки и археология. 2021. № 5. С. 35–40.
- Фоменко 2019 — *Устав и отчёты Переславль-Залесского научно-просветительного общества* / Ред. А. Ю. Фоменко. М.: MelanarE, 2019.
- Ходяков 2019 — *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. 3-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.
- Хорошкин 2011 — *Творческий Нижний: к истории становления и развития творческих организаций. 1918–1939 гг.: Сб. документов* / Сост. Я. М. Хорошкин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2011.
- Штамм 1985 — *Штамм С. И.* Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.) (Историко-правовое исследование). М.: Наука, 1985.
- Шульпин 2000a — *Шульпин А. П.* Красноармейский и рабоче-крестьянский театр периода гражданской войны и военного коммунизма // *Самодетельное художественное творчество в СССР: Очерки истории: 1917–1932 гг.* / Ред. С. Ю. Румянцев, А. Л. Сокольская, Л. П. Солнцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 64–97.
- Шульпин 2000b — *Шульпин А. П.* Самодетельный театр 20-х годов // *Самодетельное художественное творчество в СССР: Очерки истории: 1917–1932 гг.* / Ред. С. Ю. Румянцев, А. Л. Сокольская, Л. П. Солнцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 98–142.
- Fitzpatrick 1979 — *Fitzpatrick Sh.* Education and social mobility in the Soviet Union: 1921–1934. London; New York: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Wood 2005 — *Wood E. A.* Performing justice: Agitation trials in early Soviet Russia. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2005.

References

- Amangel'dyeva, T. A. (2006). *Liubimtsy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Residents of Lyubim town in the years of the Great Patriotic War] (n. s.) (quoted from the site of the Lyubimsky Museum of Local Lore). <http://lubim-muzey.ru/index.php/biblioteka/biblioteka-muzeya-4/329-amangeldyeva-t-a-lyubimtsy-v-gody-velikoj-otchestvennoj-voiny>. (In Russian).
- Blok, V. B., & Shul'pin, A. P. (2000). Samodeiatel'nyi teatr na rubezhe 20–30-kh godov. Osnovnye tendentsii razvitiia. TRAMy [Amateur theatre on the border of the 1920s and 1930s: Main trends of its development. TRAMs]. In S. Iu. Rumiantsev, A. L. Sokol'skaia, & L. P. Solntseva (Eds.). *Samodeiatel'noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR: Ocherki istorii: 1917–1932 gg.* (pp. 143–169). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Fitzpatrick, Sh. (1979). *Education and social mobility in the Soviet Union: 1921–1934*. Cambridge Univ. Press.
- Fomenko, A. Iu. (Ed.) (2019). *Ustav i otchety Pereslavl'-Zalesskogo nauchno-prosvetitel'nogo obshchestva* [Rules and resolutions of the Pereslavl'-Zalessky Scientific and Educational Society]. MelanarE. (In Russian).

- Grafova, M. (2021). “Babii bunt” v sovetskoj agitatsionnoi literature 1920-kh godov [“The country wives’ revolt” in Soviet agitational literature of the 1920s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021(5), 94–110. (In Russian).
- Ivanov, K. I. (2004). *Fabrika “Krasnoe ekho”: 1849–1949 gg.* [‘Red Echo’ factory: 1849–1949]. Pereslavl’skii soviet VOOPiK. (In Russian).
- Khodiakov, M. V. (2019). *Den’gi revoliutsii i Grazhdanskoi voiny: 1917–1920 gody* [Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920] (3rd ed.). Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Khoroshkin, Ia. M. (2011). *Tvorcheskii Nizhnii: k istorii stanovleniia i razvitiia tvorcheskikh organizatsii. 1918–1939 gg.: Sbornik dokumentov* [The artistic Nizhny: On the history of establishment and development of artistic organizations. 1918–1939: Collection of documents]. Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti. (In Russian).
- Kostiakova, Iu. B. (2012). Rabochie i sel’skie korrespondenty: otsenka s pozitsii intelligentovedeniia (na materialakh Khakasii i Gornogo Altaia) [Worker and rural correspondents: Estimation from the positions of intelligentsia studies (based on materials of Khakassia and Mountain Altay)]. *Intelligentsiia i mir*, 2012(3), 60–78. (In Russian).
- Markasova, E. V. (2002). Sud’ba sel’kora: sotsial’naia mobil’nost’ v kontekste samovospriiatii (1924–1931 gg.) [Rural correspondent’s fate: Social mobility in the context of self-perception (1924–1931)]. In S. Iu. Malysheva (Ed.). *Povsednevnost’ rossiiskoi provintsii: istoriia, iazyk i prostranstvo: Materialy 3-i Vserossiiskoi letnei shkoly “Provintsial’naia kul’tura Rossii: podkhody i metody izucheniia istorii povsednevnosti”*. Kazan’, iun’-iiul’ 2002 g. (pp. 210–226) (n. p.). (In Russian).
- Maslinskaia (Leont’eva), S. G. (2012). “Po-pionerski zhil, po-pionerski pokhoronen”: materialy k istorii grazhdanskikh pokhoron v SSSR [“Lived as a pioneer, buried as a pioneer”: Materials towards the history of civil funerals in the USSR]. *Zhivaia starina*, 2012(3), 49–52. (In Russian).
- Pankrat, I. A. (2022). Osobennosti vnutrennei evoliutsii politiki likvidatsii bezgramotnosti v 1920-e gody [The features of the internal evolution of the elimination of illiteracy policy in the 1920s]. *Skif: Voprosy studentcheskoi nauki*, 2022(1), 349–358. (In Russian).
- Selishchev, A. M. (2003). *Iazyk revoliutsionnoi epokhi. Iz nabliudeniia nad russkim iazykom (1917–1926)* [Language of the revolutionary epoch. From the observations on the Russian language (1917–1926)] (2nd ed., ster.; 1st ed.: 1928). URSS. (In Russian).
- Shtamm, S. I. (1985). *Upravlenie narodnym obrazovaniem v SSSR (1917–1936 gg.) (Istoriko-pravovoe issledovanie)* [Management of public education in the USSR (1917–1936) (A historical and legal study)]. Nauka. (In Russian).
- Shul’pin, A. P. (2000a). Krasnoarmeiskii i raboche-krest’ianskii teatr perioda grazhdanskoi voiny i voennogo kommunizma [Red Army and workers’-peasants’ theatre of the period of the Civil War and War Communism]. In S. Iu. Rumiantsev, A. L. Sokol’skaia, & L. P. Solntseva (Eds.). *Samodeiatel’noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR: Ocherki istorii: 1917–1932 gg.* (pp. 64–97). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Shul’pin, A. P. (2000b). Samodeiatel’nyi teatr 20-kh godov [Amateur theatre of the 1920s]. In S. Iu. Rumiantsev, A. L. Sokol’skaia, & L. P. Solntseva (Eds.). *Samodeiatel’noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR: Ocherki istorii: 1917–1932 gg.* (pp. 98–142). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Sidorchuk, I. V. (2021). Agitsudy kak forma agitatsionno-propagandistskoi raboty v 1920-e gg. [Agitation courts as a form of agitation and propaganda work in the 1920s]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoricheskie nauki i arkhologiiia*, 2021(5), 35–40. (In Russian).
- Vasekha, M. V. (2018). “Krest’ianka gramotnaia”: likbez v Zapadnoi Sibiri i konstruirovaniie novogo patterna zhenskogo povedeniia v 1920-e gody [“Peasant literacy”: Education program in Western Siberia and the construction of a new pattern of female behavior in the 1920’s].

Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istorii, filologiya, 17(5), 150–160. (In Russian).

Vud [= Wood], E. (2020). Gender i voobrazhenie v period Grazhdanskoi voiny v Rossii: otstalye zhenshchiny i peredovye muzhchiny v ikonograficheskoi perspektive, 1917–1922 gg. [Gender and imagination in the period of the Civil War in Russia: Backward women and advanced men in iconographic perspective, 1917–1922]. In T. A. Abrosimova et al. (Eds.). *Grazhdanskaia voina v Rossii: Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 iyunia 2019 g.)* (pp. 223–237). Nestor-Istoriia. (In Russian).

Wood, E. A. (2005). *Performing justice: Agitation trials in early Soviet Russia*. Cornell Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Мария Вячеславовна Ахметова

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru*

Maria V. Akhmetova

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher; Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru*